

УДК 821.111+821.161.1.09“18”
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131

«НАКАНУНЕ ЛЮДЕЙ ДЕЛА»: НОВЫЙ ТИП ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ И И. С. ТУРГЕНЕВА

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М. «Накануне людей дела»: новый тип женщины в творчестве Джордж Элиот и И. С. Тургенева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 117–131. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. «Nakanune lyudey dela»: novyy tip zhenshchiny v tvorchestve Dzhordzh Eliot i I. S. Turgeneva [“On the Eve of the People of Action”: a New Type of Woman in the Works of George Eliot and I. S. Turgenev]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 117–131. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131 (In Russ.)

Статья посвящена вопросам типологических схождений и творческого своеобразия в решении проблемы нового героя в литературе середины и второй половины XIX в. на примере произведений Джордж Элиот и И. С. Тургенева. Рассматриваются как сам факт личного знакомства и дружбы двух выдающихся писателей, так и социокультурные, литературные, эстетические, нравственные и прочие причины их дружбы, глубокого личностного и творческого взаимопонимания. Исследовательский акцент делается на типологически сходных подходах писателей к построению художественных миров, в особенности с точки зрения типологии героев (героинь). Демонстрируется близость писателей в словесно-образном осмыслении движения времени, стремительного изменения жизни, обнажения новых социальных, этических, нравственных горизонтов в действительности, а также их солидарность в понимании новых задач литературы в связи с динамикой социумов Англии и России. Принципиальный акцент делается на новом типе женского характера и на изображении писателями женской судьбы в новых социальных обстоятельствах, на отражении в их произведениях борьбы консервативных и прогрессивных тенденций в современном обществе, на особенностях авторского отношения к новым явлениям, новым героям и изменениям в социуме. Анализируется соотношение реалистического и романтического, лирического и драматического (трагического) в художественных мирах писателей, авторской иронии и героизации образов протагонистов. Основой типолого-сопоставительного анализа становится исследовательское обращение к двум произведениям – «Миддлмарч» Джордж Элиот и «Накануне» И. С. Тургенева – и к образам Доротеи Брук и Елены Стаховой.

Ключевые слова: реализм; роман; литературный герой; английская литература; русская литература; Джордж Элиот; И. С. Тургенев; историко-литературная типология.

Джордж Элиот (*George Eliot*, 1819–1880) и Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) связывала многолетняя дружба, о чем не раз писали отечественные и зарубежные авторы: математик С. В. Ковалевская [Ковалевская 1986: 314–315] и юрист М. М. Ковалевский [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 144–145], русский писатель и критик П. Д. Боборыкин [Боборыкин

1911: 211–212], англо-американский писатель Г. Джеймс [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 309–321], второй муж Дж. Элиот Дж. У. Кросс [Cross 1885: 290], писатель и критик О. Браунинг [Browning 1890: 128–130] и др. Свидетельства взаимной симпатии писателей есть в их письмах и дневниках. Хотя надо прямо сказать, что тургеневские письма здесь большие

помощники, нежели письма Элиот: в просмотренных нами письмах Элиот мы не обнаружили имени русского писателя; вероятно, здесь требуется более тщательная работа над эпистолярным наследием писательницы. Однако история отношений Элиот и Тургенева сохранила сведения о том, что писатели не раз встречались во время пребывания И. С. Тургенева в Англии в 1872 и 1878 гг. О первой тепло вспоминает сам И. С. Тургенев, когда в письме от 30 ноября 1872 г. к переводчику и издателю русской литературы в Англии У. Рольстону просит его передать приветы Дж. Элиот и Г. Дж. Льюису (см.: [Тургенев 1965: 367–368]). А Г. Джеймс и особенно О. Браунинг весьма подробно освещают встречу Элиот с Тургеневым в имении мужа сестры, У. Кросса Беллока Холла, тогда еще личного секретаря писательницы и ее мужа Дж. Г. Льюиса [Browning 1911: 128–130].

Как бы ни был любопытен сам факт личного знакомства двух великих писателей мировой литературы второй половины XIX в. и как бы он ни притягивал внимание, гораздо важнее другой вопрос: почему же так сблизилась Дж. Элиот и И. С. Тургенев? Каковы социокультурные, литературные и прочие причины их дружбы и – главное – какие основания для такого глубокого взаимопонимания есть в творчестве обоих писателей? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Совершенно очевидно, что это была общность подходов к действительности и ее отражению в литературе, острое понимание того, как стремительно меняется жизнь, какие важные процессы происходят в структуре общества, как российского, так и британского. Например, демократизация жизни, обретение «социального голоса» новыми слоями общества, появление нового героя в жизни и литературе. Так, Элиот и Тургенев были едва ли не первыми в своих национальных литературах, кто сделал из крестьян полноправных литературных героев: имеются в виду «Записки охотника» (1852) и «Адам Бид» (*Adam Bede*, 1859). Крестьяне в их произведениях представлены не как фон и «колорит», не как объект добродушно-нисходительного изображения и т. п., а как героическое, страдательное, но одновременно оптимистическое сословие. Наверное, и этим тоже объясняется особая популярность романа Дж. Элиот «Адам Бид» в России до 1917 г.: девять переводов и переизданий за полвека – с 1859 по 1909 г. (см. об этом: [Proskurnin 2016: 261–274]).

Очевидны типологические схождения и в мировоззрении и подходе обоих писателей к проблеме человека и мира, центральной для литературы во все времена: переполняющие писателей ощущения решительного изменения жизни,

наступления нового времени и, соответственно, утверждение новой концепции человека, базирующейся на самостоятельности личности и ее возрастающей ответственности за свое место в мире. Об этом хорошо пишет В. А. Недзвецкий, имея в виду И. С. Тургенева, но мы вправе отнести его мысль и к Дж. Элиот с ее сосредоточенностью на проблеме жизненного призвания своих героев. Исследователь считает, что Тургенев, выстраивая художественный мир романов, исходил из «естественности автономизации человека и его духовно-нравственных представлений (исканий, идеалов) (в особенности – от патриархальных и патерналистских социумов)» [Недзвецкий 2011:12]. По мнению В. А. Недзвецкого, это «общейсторическая закономерность, присущая в определенные эпохи всем народам», когда на социальную авансцену выдвигаются новые силы, а значит, и новый герой, самостоятельный, деятельный, с «развитым личным сознанием» [там же]. В подтверждение этому литературовед цитирует письмо И. С. Тургенева Полине Виардо: «Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин» (цит. по: [Недзвецкий 2011: 23]). Особо принципиален для Тургенева 1860-х гг. акцент на деятельной самостоятельности человека. Это в равной степени справедливо как для мужчин, так и для женщин; поэтому воплощением «новых людей» становятся «тургеневские девушки» и связанный с этим известный тургеневский «феминизм» (по В. А. Недзвецкому) [там же: 155].

Хорошо известно, что в годы творчества И. С. Тургенева в России происходит смена доминант социальной жизни: от дворянской к разночинной, о чем свидетельствует появление в том числе и разночинного интеллигент-интеллектуала, социально активного героя, ищущего новые этические смыслы и пр. Здесь уместно вспомнить Н. А. Добролюбова и его рецензию на роман «Накануне» (1860), опубликованную в третьем номере «Современника» за 1860 г.: «В “Накануне” главное лицо – Елена. В ней сказалась та смутная тоска по чему-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая теперь охватывает все русское общество» (цит. по: [Зелинский 1895: 153]). Не случайно известный отечественный исследователь творчества И. С. Тургенева Д. В. Пумпянский, говоря об особой жанровой сути романа «Накануне», называл его «героическим романом» [Пумпянский 2000: 381].

В Англии викторианского времени, особенно в 1850-е – 1860-е гг., в связи с ускоренными экономическими, социальными и политическими процессами доминирует мысль о грядущем новом времени, о смене вех и изменении парадиг-

мы жизни: свидетельствами тому являются суждения во многих отношениях весьма далеких друг от друга мыслителей – Дж. С. Милля, Т. Маколея, Т. Карлайля, Дж. Рескина, У. Бейджхота, Г. Спенсера и др. Именно об этом пишет У. Хоутон в первой главе книги, имевшей в 1950-е гг. почти революционное значение для перемены отношения к викторианству на Западе (см.: [Houghton 1985: 1–23]). Процессы индустриализации и урбанизации, дальнейший количественный рост среднего класса, появление сыгравшей колоссальную роль в изменении атмосферы британской жизни социальной прослойки «intellectuals» – едва ли не аналога русских разночинцев – стали основой размышлений о новой парадигме жизни общества в Англии в середине позапрошлого века.

В викторианские времена меняется представление об идеале человека: явным становится акцент на деятельности, труде, самостоятельности и отказ от идеологии патернализма. Надо отметить растущую в социальной значимости идею равных возможностей (особенно после трудов Ч. Дарвина и Дж. С. Милля, чьи работы по своему развивали представления о природном равенстве людей, сформулированные еще в конце XVII в. Дж. Локком), хотя нередко и иронически осмысляемую: вспомним Диккенса и его Баундерби из романа «Тяжелые времена» (*Hard Times*, 1854). Совершенно логически идея равных возможностей стала применяться в Англии и в отношении женщин. Поэтому на пике викторианского времени началась борьба за права женщин: поначалу в браке и семье (билли о разводе 1854, 1856 и 1857 гг.); о праве женщин на наследство (*Married Woman's Property Act* 1870 г. и пр.), а затем и в политической сфере. С экстраполяцией идеи социального равенства на женщин связано и появление знаменитой книги Дж. С. Милля «О подчинении женщин» (*On the Subjection of Women*, 1869), в которой едва ли не впервые на общенациональном уровне была поставлена проблема равенства полов. Меняется и представление о женском идеале: образ «ангела в доме» постепенно уступает место женщине с выходящими за рамки дома функциями, в т. ч. и общественно значимыми. Иначе говоря, одновременно с динамикой концепции джентльмена (от *idleness* – праздности – в XVIII в. к деятельности и труду как обязательным составляющим понятия «джентльмен» в XIX в.) меняется и концепция леди, в том числе и с точки зрения расширения сфер социальной активности женщин в викторианское время и ее выхода за пределы «домашнего очага» (но преимущественно в сфере благотворительности).

Начало творчества Дж. Элиот совпало с обострением женского вопроса и появлением фе-

минизма в викторианской Англии, естественно и закономерно возникшим из самой жизни и ее динамики (см.: [Ideas and Beliefs 1966: 261, 266]). Отказ Дж. Элиот от прямой поддержки феминизма широко известен, поскольку она полагала – в письмах Чарльзу Брею в 1857 г. и Бесси Райнер Паркерс в 1858 г. (см.: [Oxford Readers's Companion 2000: 467]), что как писатель к женскому вопросу она так или иначе обращается через творчество, т. е. делает то, к чему ее призывают феминистки, не плакатно и не «в лоб»; более того, в рецензии 1855 г. на книгу американской феминистки Маргарет Фуллер «Женщина в XIX веке» Дж. Элиот подчеркивала, что «женский вопрос – это общечеловеческий вопрос, а не какой-то специальный случай» (цит. по: [Dolin 2005: 146]).

Говоря о постановке «женских проблем» в творчестве Элиот, отметим, что в первом и последнем произведениях писательницы, «Раскаяние Дженет» (*Janet's Repentance*, 1857) и «Дэниел Деронда» (*Daniel Deronda*, 1876), одна из центральных – проблема домашнего насилия по отношению к женщине; в «Мельнице на Флоссе» (*The Mill on the Floss*, 1860) – проблема интеллектуального равноправия женщины и мужчины, а также проблема женского образования (его необходимости); в «Адаме Биде» (1859) в образе Дины Морис – идея служения людям, то же – в образе Ромолы (*Romola*, 1863); в этом же образе реализовано новое этико-социальное измерение женственности. Сразу скажем: идея женственности, ее эволюция и динамика ее роли проходит через все творчество, кульминируя в «Миддлмарче» (*Middlrmarch*, 1872). Акцент на постепенном расширении и активизации социальной роли женщины совпадал с элиотовской идеей общества как медленно, но неизбежно растущего организма, для которого во вред разного рода революции [Oxford Readers's Companion 2000: 468]. Эта идея ярко реализована в ее «Обращении Феликса Холта к рабочим» – своего рода авторском комментарии к роману «Феликс Холт, радикал» (*Felix Holt, the Radical*, 1866) и отклике на его бурную рецепцию в английском обществе.

Образование как необходимое условие прогресса общества, по Элиот, – это пестование интеллекта, и поэтому так интеллектуальны ее героини и столь аналитично их сознание, именно сознание; до Элиот – за редким исключением: Джейн Остен, например, – в основном анализировалась сфера чувств и эмоций женщин-героинь, а отнюдь не сфера мыслей, да еще и «настроенная» на аналитический лад. Отсюда же напряженный и драматический поиск своего места в жизни ее героинь, гарантирующего желаемый многими ее героями и героинями вклад в общий прогресс общества. Однако публичная

сфера активности женщины трудно входит в творчество Дж. Элиот, и финал лучшего романа писательницы «Мидлмарч» – тому доказательство: его главная героиня Доротея Брук после напряженных поисков себя и места в жизни, заблуждений и ряда ошибок реализует себя через другого – через мужа Уилла Ладисло.

В любом случае, каков бы ни был финал их поисков смысла жизни, героини Элиот наделены огромной душой, вбирающей в себя не только собственный приватный мир и интересы, но мир внешний (*large souled heroine*, как пишет Дж. Ригналл) [Oxford Readers's Companion 2000: 470]. Не случайно протагонист романа Терциус Лидгейт увидел в Доротее «глубокую душевную женственность» [Eliot 1966: 638], которая притягательна, сильна, не подвержена никакой нравственной «коррозии», хотя героизм Св. Терезы и Антигоны, с которыми сравнивает Доротеею Дж. Элиот, вряд ли возможен в наше время, по мнению писательницы.

В России 1850-х – 1860-х гг., как уже говорилось, тоже происходят серьезные изменения в концепции человека в условиях нового этапа социальной жизни страны, возникновения и утверждения новых классов и социальных прослоек. Количественно растет и меняется качественно третье сословие; на авансцену социокультурной жизни страны выдвигаются разночинцы как широкое понятие; интеллектуалы начинают играть все более значимую роль в обществе; это особенно заметно по «толстым журналам»: их мнение в общественной жизни возрастает и достигает высот, каких оно более не достигало. В 1850-х – 1860-х гг. вся интеллектуальная Россия ждет появления «новых людей», о чем страстно пишут Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев. И такие люди появляются: разночинные интеллигенты, герои дела, поступка (как антитеза типу «лишнего человека» (см.: [Ленерт 1975: 17]). Свою весьма своеобразную и подвижную концепцию «новых людей» создал и И. С. Тургенев в романах «Дворянское гнездо» (1858), «Отцы и дети» (1862), «Новь» (1877), а в романе «Накануне», по мнению ряда российских критиков позапрошлого века (А. Незелёпова, например), он создал женский «вариант» такого человека, воплотив в образе Елены Стаховой «первую из нового поколения русских женщин, далеко опередивших русских мужчин» (цит. по: [Зелинский 1895: 148]). Д. И. Писарев, в целом весьма критически отнесшийся к роману «Накануне», все же в 1861 г. писал о Елене как о девушке нового типа, которая «мечтает не о таком только герое, который, растаявши в любви, осыпал бы ее золотым дождем. Она мечтает о таком герое, с которым она пойдет рука об руку, и бу-

дут они делать великое дело» (цит. по: [там же: 129]). Не случайно уже в самом начале романа Елена говорит о себе и себе подобных: «Но если нам не хочется говорить о женских тряпках» [Тургенев: 18]. И принципиально важно, что она увлеклась Инсаровым, по мнению современника Тургенева критика Алкандрова (псевдоним А. М. Скабичевского), в силу его «живого энтузиазма, его увлечения не одной только личной любовью», а «любовью к родине», в силу его «общественного энтузиазма» (см.: [Зелинский 1895: 129]), т. е. благодаря тому, чего в ней самой еще не было, но должно было появиться и повести за собой, придав личной жизни новый глубокий, не бытовой, семейный, сугубо приватный смысл.

Некоторые социально-структурные и даже онтологические изменения в российском обществе того времени с очевидностью имеют параллели с процессами в Англии 1850-х – 1860-х гг., где, как уже отмечалось, значительно увеличивается прослойка *intellectuals*, где знаменитый «здравый смысл» обретает не узкопрагматическое, а идеологическое звучание, где он «обращает» мыслью прежде всего, а не являет собою «голую практику» и расчет. И уже не аристократы становятся нравственными лидерами общества, а интеллектуалы, и потому их родовая связь с аристократией и поместным дворянством уже не столь важна, как полагают исследователи [Фадеева 1975: 79]. То есть свойственное викторианской Англии консенсусное сознание является едва ли не главной показательной чертой сформировавшейся в середине XIX в. парадигмы английской социальной жизни. И это не отменяло, а предполагало аналитизм и повышенный уровень ответственного самосознания и самооценки человека в социуме, в том числе и в области социальных связей и отношений. Кроме всего прочего, оно узаконивало плюральность социальной базы английских интеллектуалов.

Известно, что в романах И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Накануне» приход новых людей четок и принципиален: они воплощение «идеала позитивного добра»: они «характеры цельные, сильные, героические» [Лотман 1974: 69]. Современник И. С. Тургенева, П. Басистов, подчеркивая, насколько актуален роман «Накануне» для российской реальности, и имея в виду русских писателей того времени, отмечал в пятой книжке «Отечественных записок» за 1860 г.: «До сих пор мы рассуждали, создавали известные идеи и стремления, теперь мы *накануне* (курсив автора. – Б. П.) людей дела, которые осуществят их» (цит. по: [Зелинский 1895: 127]).

То же самое мы видим и у Дж. Элиот: рожденная под влиянием этико-философских идей

Б. Спинозы и Л. Фейербаха «религия любви» и ее художественная «инкарнация» в образах Дины Морис, Мэгги Таливер, Ромолы, Доротеи (в особенности, последних трех) это подтверждают. Идея активного и созидательного добра звучит у Элиот с первых произведений: образы Адама Бида и Дины Морис («Адам Бид»), Долли Уинтроп («Сайлес Марнер» – *Silas Marner*, 1861) – тому свидетельства; правда, никто из них не принадлежал к страте интеллигентов, оба романа – так называемые «народные романы», а герои – некое воплощение народной мудрости. Однако Дэниел Деронда, заглавный герой последнего романа писательницы, как раз из этой социальной страты, и неслучайно Элиот делает акцент на интеллектуальном становлении этого героя и на его осознанном делании добра (ситуации с Миррой, помощь Мейрикам и отношения с Гвендолен Харлет); причем по ходу романа Дэниел Деронда переходит к утверждению добра едва ли не на мировом уровне, когда берет на себя великий труд по восстановлению единства еврейской нации и ее государственности.

Иначе говоря, Дж. Элиот, как и Тургенев в «Накануне», «Рудине», «Дворянском гнезде», создает «характеры цельные, сильные, героические», но в структуре всех образов всегда эксплицирована драматическая ирония; при этом Мэгги Таливер почти трагически не совпадает со временем (как тип думающей, самостоятельной и берущей на себя ответственность женщины в ситуации общества, еще не готового принять такой тип женщины); идеальность Феликса Холта рисуется на грани нереальности: он видится в большей степени героем будущего, чем настоящего (*a would-be-hero*); Доротея Брук и Терциус Лидгейт – образы, целиком замешанные на иронии (хотя и разной по концентрации): несовпадение цели жизни и ее итога очевидно, но при этом столь же явственно предельное уважение к их поискам.

У И. С. Тургенева пафос создания образов протагонистов тоже базируется на соотношении мысли и поступка [Лотман 1974: 69], но ирония у него не эксплицирована в той степени, в какой это происходит в романе Элиот «Миддлмарч», героиня которого Доротея Брук кажется весьма близкой тургеневскому типу девушек, жаждущих активной роли в жизни социума. На этом соотношении строятся в «Накануне» образы Дмитрия Инсарова и Елены Стаховой например. Так, Тургенев отмечает, что жизнь Елены до встречи с Инсаровым протекала «в бездействии внешнем, во внутренней борьбе и тревоге» [Тургенев: 25], и только найдя его, она переводит свое существование на «рельсы» деятельности во имя большой и значимой цели и обретает равновесие

между внутренней и внешней жизнью: «Я давно не чувствовала такого внутреннего спокойствия. Так тихо во мне, так тихо» [там же: 64].

У Дж. Элиот эта же идея обретения гармонии, внутреннего баланса между требованиями к себе и своими деяниями, своей «внешней» жизнью и жизнью внутренней, построенной на взыскательном самоанализе, лежит в основе двух центральных образов романа «Миддлмарч». Но если мысль героев, особенно Терциуса Лидгейта, не только подвижная, но и передовая, то окружающая их жизнь гораздо менее «поворотлива» и «динамична», чем хотелось бы автору и его мыслящим героям; в ней чересчур, по Дж. Элиот, много инерции, чтобы идеалы легко побеждали. Именно поэтому, например, Доротея рисуется Элиот девушкой, из ряда вон выходящей. В романе читаем о героине: «Тут ведь никто не разделяет ее взглядов на жизнь и на высшие цели в жизни» [Элиот 1988: 55]. Нельзя не заметить, как это похоже на ситуацию Елены, в «которой было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистее и торопливое, словом, что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных» [Тургенев: 24]. Потому есть в романе Элиот и антитетично параллельный образу Доротеи образ ее сестры Селии, абсолютно соответствующей нормам девичьей психологии и даже идеологии викторианского века, которой жители Миддлмарча неизменно восхищались, сокрушаясь при этом (миссис Кэдулледер прежде всего), насколько Доротея не соблюдает законы здравого смысла и правила поведения девиц ее круга. Потому есть в романе Тургенева отец Елены и Курнатовский, которые, так сказать, с разных сторон оттеняют страстную увлеченность Елены Инсаровым не столько как человеком, сколько как идеей. И здесь как раз возникает тургеневская ирония по отношению к героине. «Ее сердце так обширно, что обнимает всю природу, до малейшего таракана или лягушки, словом все, за исключением отца», – с горечью заключает отец Елены [там же: 30]. Столь же показательно и пренебрежение, с каким описывает Елена Инсарову предложенного ей отцом в женихи Курнатовского – молодого и нацеленного на конкретные дела человека, пусть и чиновника, но делающего свое дело с воодушевлением и желанием делать его еще лучше. Здесь невозможно не вспомнить тонкое ироничное замечание В. М. Марковича о Елене Стаховой, неоднократно воспроизводимое в работах отечественных тургеневедов, о «загадке ее безлюбивого, в сущности даже недоброго стремления к добру» [Маркович 1982: 137]. Это замечание критика имеет под собой серьезное основание, если вспомнить, насколько не расположена Елена к

своей семье, какое равнодушное отношение у нее не только к отцу, но и к матери. Любопытно, что героиня роман Элиот – сирота, т. е. автор «лишил» ее возможности реализовывать свои социальные амбиции на оселке отношений с матерью или отцом. Правда, она испытывает нечто вроде материнских, покровительственных чувств по отношению к младшей сестре Селии и даже в отношении к дяде, мистеру Бруку, их с сестрою опекуну.

Доротейя рисуется персонажем, плохо вписывающимся в свое время; не случайно Дж. Элиот начинает роман с размышлений о Святой Терезе, с которой сравнивается Доротейя и «реинкарнация» которой с ее самопожертвованием и страстным желанием помогать слабым и неимущим, по мнению автора, была совершенно невозможна в то время: настолько оно оказалось противоположным идеалам, исповедуемым Св. Терезой, а значит, и Доротеей. (Об этом размышляют едва ли не все исследователи романа; см.: [Cambridge Companion 2001: 65].)

В случае с Лидгейтом идеалы так и не победили; победа идеалов случае с Доротеей тоже относительна: замкнутость их торжества в сугубо семейно-личной сфере, когда в конце романа едва ли не скороговоркой Доротейя рисуется вполне довольной только ролью жены и матери, что совершенно не удовлетворяло прогрессивно мыслящих читателей (см. об этом: [‘Middlemarch’ Casebook 1978]).

У И. С. Тургенева идея человека дела, романтически подчеркнутая в «Накануне» в образе Инсарова, доминирует в идейно-художественной структуре романа и определяет динамику развития образа Елены; у Дж. Элиот тоже оба протагониста – и Доротейя, и Лидгейт – нацелены на созидательную активность, меняющую жизнь к лучшему, однако восхитительное отношение к этому порыву относительно, так как оба они начисто лишены романтического флера, оттого и авторский голос в «Миддлмарче» гораздо более открыто ироничен, нежели в романе Тургенева. Кроме того, обстоятельства в романе Элиот выписаны гораздо гуще, плотнее и разнообразнее, в том числе и по линии противодействия побуждениям протагонистов (элиотовское произведение – гораздо более эпически развернутое полотно); свидетельство тому – система образов и противостояние взглядов Доротейи застойному «здоровому смыслу», исповедуемому сэром Четгетом, миссис Кэдулледер, отчасти Селией, Миддлмарчем в целом.

Тем не менее Елена Стахова и Доротейя Брук могут быть сопоставлены как раз по линии появления новых людей, опережающих свое время, а потому им не понимаемых и даже не при-

нимаемых. О возможности сопоставительного анализа этих образов еще в середине 1930-х гг. говорил один из известных в Англии исследователей викторианской литературы Дэвид Сесил [Cecil 1964: 248].

Прежде всего, они могут быть сопоставлены по линии напряженных поисков своего места в жизни, по способу воплощения этих поисков: интеллектуальная внутренняя «работа», аналитичность (критическая самоаналитичность); по энтузиазму (даже излишнему) быть готовыми пожертвовать собой ради большого дела, несущего пользу обществу (быть причастными к этой пользе, т. е. таким образом обнаружить и продемонстрировать социальную значимость своего существования); не быть, по Френсис Пауэр Кобб, одной из зачинательниц женского движения в Англии, простым «украшением общества» [Ideas and Beliefs 1966: 264]. Здесь уместно еще раз вспомнить перекликающиеся с содержанием элиотовских женских образов понятие «тургеневских девушек». Для них, как известно, характерен максимализм в требованиях к себе и окружающему миру, они ощущают себя «чужими в своей семье» и живут «сложной и напряженной жизнью, томимые ожиданием любви, жаждущие самореализации, способные на неординарный, социально дерзкий поступок» [Ребель 2007: 106].

Одной общей чертой героинь Тургенева и Элиот является их молодость и открытость жизни, их ученичество. «Ученичество тургеневских женщин» особенно отмечала Л. М. Лотман [Лотман 1974: 72], а Дж. Левин полагал роман «Миддлмарч» произведением, где особенно воплощена идея Б. Спинозы, чью «Этику» Элиот в молодости перевела на английский, об опасности избытка чувств («an excess of feeling») в ситуации обретения человеком знания о мире [Levine 1988: 220]. Взять, например, Елену, которая предстает перед нами на распутье, в ситуации поиска смысла существования. Героиня Тургенева хочет нести в мир добро: «Быть доброю – этого мало; делать добро... да; это главное в жизни. Но как делать добро?» [Тургенев: 62]. Елена жаждет научиться делать добро, чтобы восполнить то, чего, по ее мнению, не хватает в наличном мире. И Доротейя у Дж. Элиот – тоже своего рода «ученица» и тоже на пороге большой жизни. Она очень юна, поэтому Дж. Элиот акцентирует ее малоопытность и чуть ли не подростковую способность увлекаться какими-либо идеями и людьми, а также – подростковые крайности в оценках и эмоциональных реакциях. Кв. Андерсон, один из столпов зарубежного элиотоведения второй половины XX в., считает, что Доротейя в начале романа наделена крепкой верой в то, что сможет творить добро, научившись это делать у

мудрых наставников [Anderson 1963: 283]. При этом Элиот постоянно подчеркивает (от своего «голоса» и устами других персонажей), что знания Доротеи о жизни более теоретические, чем практические, особенно знание людей. Потому она идеализирует поначалу и обстоятельства, и тех, кто рядом с нею, отчего совершает немало несуразностей не только с точки зрения общепринятых в Миддлмарче ценностей, но и с общечеловеческой точки зрения. Элиот пишет: «Все чувства Доротеи проходили через фильтр рассудка, устремленного к идеальной жизни» [Элиот 1988: 55]. Она намеренно, для углубления психологической составляющей образа, делает так, что именно в замужестве, на которое она пошла как на великое служение человечеству, Доротее приходится мучительно освобождаться от благородной, но иллюзии (см. об этом в «Предисловии» У. Дж. Харви к одному из изданий романа Элиот: [Eliot 1966:15]).

Иначе говоря, героини Тургенева и Элиот, нацеленные на самореализацию, рисуются «на пороге» большой жизни, но поскольку в современном им обществе абсолютная социальная самостоятельность женщины пока неприемлема (действие романа Дж. Элиот происходит до парламентской реформы 1832 г., в «Накануне» события разворачиваются в 1850-х гг.), то обе в поиске лидеров, тех, чья деятельность, к которой они приобщатся, имеет значительный общественный смысл (обе стремятся уйти от бессмысленного существования, и даже просто как жены). Елена (до появления Дмитрия Инсарова) ищет эту возможность в Шубине, т. е. в искусстве, и в Берсенева, т. е. в науке. Но когда Елена знакомится с Инсаровым, она приходит к выводу: «Вот наконец правдивый человек; вот на кого можно положиться» [Тургенев: 63]. И при этом обязательным условием исполнения мечты о служении великому делу у обеих героинь становится замужество. Кстати упоминавшийся Алкандров (Скабичевский) увидел в том, что Елена «не сама идет по дороге деятельного добра», что она ведома, да еще и иностранцем, существенный недостаток романа (см.: [Зелинский 1895: 131]).

Доротее также ищет «лидера», который поведет ее, придаст смысл ее жизни, благодаря которому она будет причастна к «высочайшему велению истины» [Элиот 1988: 31]. Она воспринимала супружество «как свободное и добровольное подчинение мудрому проводнику, который поведет ее по величественнейшему из путей» [там же: 41]. Поэтому осознание того, что она ошиблась, когда приняла Кейсобона за такого лидера, становится мучительной драмой для нее, мечтавшей по-настоящему послужить человечеству, помогая мужу в его научных изысканиях, кото-

рые, как она слепо себя уверила, должны перевернуть представления человечества о религиях, культуре, человеке. Само служение мужу – откровенно ключа ко всем мифам и религиям, как казалось Доротее, – гораздо важнее и значимее ее филантропических начинаний по улучшению жилищных условий арендаторов в имении ее дяди мистера Брука.

Елена, как и Доротее, мечтает о единстве жизни и идеала («деятельное добро»), обе героини решают связать свою жизнь с «человеком дела» (как им видится). Поэтому Елена предпочитает Инсарова Шубину и Берсенева, а Доротее – Кейсобона сэру Чэттему. Обе героини полагают, что жить великими интересами другого и есть настоящее счастье в их положении; Доротее считает своим призванием (все героини Элиот находятся в ситуации поиска, обретения и реализации своего призвания) жить для других, полагая, что таким образом она придает смысл своей жизни.

Доротее страстно тянется к деятельности, созданию новой жизни, как заметил критик, она – героиня, которая ориентирована на «большие деяния в новое время» [Cambridge Companion 2001: 68]. В этом отношении подобная нацеленность Доротеи на созидательную деятельность совершенно соответствует доминирующей в викторианском общественном сознании идеологии труда и практики. Не случайно У.Хоутон справедливо подчеркивал господство магии слов «работа», «труд», «созидание» для викторианцев (см.: [Houghton 1985: 242–261]). Здесь уместно говорить и о вечной теме русской интеллигенции: «дело надо делать, господа», если вспомнить чеховского героя, пусть и иронически поданного драматургом. Отсюда и героини дела в романе Тургенева: Шубин, Берсенева, Курнатовский и, конечно, Инсаров, которые в самом деле «дело делают» – каждый в своей области и по-своему. Героини романа «Накануне» – «люди исторического процесса демократизации» жизни, они воплощают оптимизм «активного практицизма», как справедливо писала Л. М. Лотман [Лотман 1974: 81].

В начале романа протагонистка Элиот часто показана в деле – на фоне «праздной» Селии; Доротее постоянно чем-то занята: рисует, чертит, помогает арендаторам, знает их в лицо; после смерти Кейсобона она заседает в попечительском совете новой больницы, занимается деятельной благотворительностью и т. п. Автор принципиален в создании ощущения постоянной занятости Доротеи каким-нибудь делом: таков характер героини, жаждущей быть полезной обществу, шире – миру.

Та же ситуация и с Еленой Стаховой, которая едва ли не задыхалась от праздности жизни молодой женщины из верхних социальных кругов.

Как известно, И. С. Тургенев поэтизирует и романтизирует идеальный порыв Елены выйти замуж за Инсарова и вместе с ним бороться за свободу Болгарии, поскольку вместе с замужеством за ним она обретает дело всей ее жизни. Не случайно критики называют Елену Стахову «самой романтической тургеневской женщиной» [Савинков 2011: 99]. Героиня романа Дж. Элиот тоже наделена порывом быть полезной миру: в замужестве за Кейсобоном она надеется быть таковой через служение его делу. Однако у Элиот нет поэтизации этой интенции героини, а затем и свершившегося факта самопожертвования Доротеи, и тем более нет романтизации ее поступка. Однако автор ни в коей степени не призывает читателя осуждать Доротею за совершенную ошибку: она, будучи одержима высокой целью, не заметила, насколько мелок и тщеславен Кейсобон в своих потугах сделать всемирное открытие. По отношению к образу Доротеи все же доминирует ирония, пусть и сочувствующая, и даже драматизирующая, очевидная даже в имени героини: Dorothea – дар бога.

Можно говорить о близости писательских манер (при всем том, что, как полагают многие литературоведы, «Накануне» «умышленно схематичен» [Лотман 1974: 73], а «Миддлмарч» – эпическое полотно, и поэтому проработка характеров и обстоятельств, так сказать, «эпические дыхания» произведений, весьма, разные). Хотя некоторые современные исследователи (Г. М. Ребель, например) считают, что «художественный мир романа «Накануне», вопреки расхожим представлениям, отличается гораздо большей сложностью, чем миры предыдущих тургеневских романов, где превалировало линейное сюжетное и содержательное движение, в то время как в данном случае перед нами многоуровневая конструкция, в которой очевидный, лежащий на поверхности социальный смысл, казалось бы, опровергается философским, но на самом деле последний трансформирует социальный посыл, лишая его однозначности» [Ребель 2007: 111]. Об этом же пишет Е. М. Конышев, подчеркивая, что в «романе «Накануне», как и во многих других классических произведениях, существует несколько уровней прочтения, в том числе философский и метафизический» [Конышев 2009: 18]. Критик видит сочетание этих уровней в поисках героями романа, Еленой Стаховой прежде всего, духовной цельности, обретение которой – в силу неготовности мира принять таких людей – для героев заканчивается либо гибелью (Инсаров), либо исчезновением в вечности жизни (Елена), что определяет трагический характер романа. Л. Н. Жижина видит в романе мощную фольклорно-мифологическую струю, отчетливее всего

проявленную в структуре образа Елены, что, по мнению исследователя, существенно повышает степень обобщения и синтеза разных составляющих романа (см.: [Жижина 2008]). Г. Б. Курляндская анализирует особую диалектику конкретно-исторического и метафизического в романе «Накануне», видя ее проявление в трагической истории любви Елены Стаховой и Дмитрия Инсарова, более того, – в ее любви, онтологической по сути, и всеобщности нравственного закона существования человека на земле (см.: [Курляндская 2009: 11, 18]).

Д. Сесил полагал, что роман «Миддлмарч» при всей его очевидной эпичности все же отличается тем, что в нем «сюжет чересчур аккуратный», а не надлен «внешней хаотичностью жизни», подобно роману Толстого [«Война и мир». – Б. П.], с которым английский исследователь сравнивает «Миддлмарч» [Cecil 1964: 246]). Весьма примечателен этот «писательский треугольник» с точки зрения сопоставления сюжетостроения и соотношения эпического, лирического и драматического: Тургенев – Дж. Элиот – Толстой. В данном случае стоит вспомнить знаменитого Дж. М. Хиллиса (одного из столпов мирового литературоведения 1960-х – 1990-х гг.) и его мысль о том, что «викторианский роман, в конечном счете, структура, элементы которой (характеры, сцены, образы) не отдельные кусочки, каждый надленный своей природой и значением, хотя и добавляющий свою долю в значение целого. Каждый элемент вытаскивает свое значение из других так, что роман может быть описан как самогенерирующая и самоподдерживающаяся система, как некое общество, отраженное в зеркале» (цит. по: [Victorian Novel 2002: 218]). Кв. Андерсон полагал, что в «Мидлмарче» дано «образное осмысление человеческих отношений как некоей сети» [Anderson 1963: 277]. Поэтому городок Миддлмарч населен представителями всех социальных страт английского общества тех лет (за исключением армейской сферы, пожалуй), которые оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Собираемость образа Миддлмарча не подвергается сомнению: это элиотовская модель английской реальности середины XIX в. (см. об этом: [Hardy 1967; Проскурнин 1998]).

Л. М. Лотман называла «Накануне» «романом по самой своей структуре, пожалуй, наиболее расщудочным» [Лотман 1974: 89]. Если это так, то и здесь очевидна переключка между Дж. Элиот и И. С. Тургеневым. Творческая манера Дж. Элиот, как уже не раз говорилось, известна повышенной интеллектуальностью, аналитичностью и даже научностью; в излишней рассудочности писательницу обвиняли и некоторые современники, и

исследователи последующих времен (см.: [‘Middlemarch’ Casebook 1978]); тем не менее постепенно в элиотоведении утвердилась мысль о том, что роман «Миддлмарч» – «это всеобъемлющая хроника уклада жизни, отслеживаемого с научной точностью, но также и со значительным остроумием» (см.: «Предисловие» Маргарет Дрэбл: [Eliot 1985: 15]). В. Вулф в знаменитой книге *The Common Reader* назвала «Миддлмарч» «одним из немногих английских романов, написанных для взрослых» [Woolf 1942: 213], имея в виду «заточенность» романа на интеллектуальную составляющую, а не на развлечение. Дж. Харви в предисловии к изданию романа 1966 г. вспоминает это утверждение Вулф и справедливо полагает, что за ним «скрывается суждение о новом типе переливания интеллектуальной мощи повествования в искусство художественной прозы» и что этот дар, в совокупности с другими дарами, «связывает Элиот больше с художниками, подобными Томасу Манну, нежели с каким-нибудь английским писателем», хотя, по его суждению, «мы никогда не чувствуем, как в случае с Манном, что ее творчество перегружено идеями и что оно чисто интеллектуальное» [Eliot 1966: 22].

В сравнении с тургеневским романом в «Миддлмарче» Дж. Элиот нет такого трагического пафоса живописания опыта «деятельного добра», как в «Накануне» (особенно если иметь в виду концовку тургеневского романа). Хотя некоторые исследователи и говорят о романе Элиот как о «почти трагедии молодой неопытной женщины» (*near tragedy of an ignorant young woman*) [Eliot 1985: XV]. Но здесь, пожалуй, должно еще раз говорить о глубинном типологическом схождении романов И. С. Тургенева и Дж. Элиот: оно кроется в акценте на героическом начале, столь необходимом человеку в ситуации «накануне» новой жизни, новых тенденций, пусть порою еще и не проявленных зримо, но ощущаемых наиболее социально чуткими людьми. Именно к таким относятся Елена Стахова и Доротея Брук.

Отечественные исследователи, на мой взгляд, совершенно справедливо обращают внимание на то, что статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (1860), по сути, дает определение двум коренным и противоположным типам человеческой природы (и героя русской литературы), причем с явным предпочтением Дон Кихота, образ которого трактуется как образ человека-деятеля, преданного идеалу, хотя порою и иронично осмысляемого (см.: [Ребель 2007: 33–38]). Очевидна переключка подходов Тургенева и Элиот к вопросу о характере героичности современного человека: в «Накануне» действуют разные «Дон Кихоты» в тургеневском понимании, но доминирует «действенный Дон Кихот» – Ин-

саров, прежде всего. Любопытно, что болгарская литературная (и не только литературная) мысль всегда воспринимала образ Инсарова как образ идеализированного болгарина, который еще не мог существовать в то время, когда разворачиваются события романа Тургенева. Не случайно недавняя статья о тургеневском герое и его «бытовании» в болгарском менталитете называется «Инсаров: болгарин ли он?» и ее основной пафос сводится к тому, что в «высоком образе болгарина» [Димитров 2016: 270] Тургенев воплотил свое представление о борце за свободу родины вообще, в обобщенно-переносном смысле, что еще раз подтверждает некую метафизичность сюжета произведения, его смысловую многослойность.

У Элиот Доротея тоже «действенный Дон Кихот»: в ней сочетаются наивно-идеалистический взгляд на жизнь, едва ли не подростковое максималистское отношение к людям и обстоятельствам и жажда деятельности во благо людей несмотря ни на что. То обстоятельство, что, как уже отмечалось, Элиот сравнивает Доротею со Святой Терезой в начале и в конце романа, «закругляя» роман на идею служения людям, хотя и окрашенной иронией (наивная жизненная слепота Доротеи, ее тотальная до безрассудства «захваченность» идеей близка дон-кихотовской), не снижает высокого нравственного зачина, и образа, и романа в целом. Более того, в конце произведения определенное «донкихотство» мы видим у сэра Четтема и Уилла-парламентария; и это «донкихотство» еще больше сродни тургеневскому: упорное, вопреки всему сотворение добра, а не «борьба с ветряными мельницами».

Переключка между Дж. Элиот и Тургеневым очевидна также в обращении к определенному чувству вины у героинь двух сравниваемых романов, в том числе и социальной («моя жизнь хороша, и стыдно, что она хороша только у меня: надо улучшить жизнь других» – это одна из вечных забот русской интеллигенции, вернее, лучшей ее части, по Н. Бердяеву [Бердяев 1910: 70]). О чувстве вины героев произведений очень интересно писал А. И. Батюго, утверждая, что оно возникает от «несоответствия между стремлением к счастью и долгом», из-за наличия «неразрешимого философского противоречия между счастьем и долгом», «долгом и виною» (как в «Дворянском гнезде» и «Отцах и детях») ввиду необходимости «смирения перед долгом» [Батюго 2004: 393–395]. Об этом же пишет Г. Б. Курляндская, считающая, что «Елена, жаждущая деятельного добра, Инсаров, весь устремленный к одной цели, в конце концов, терпят полное поражение со своей уверенностью в соединимости «личного» и «общего» [Курляндская 2009: 16]. В. А. Недзвецкий тоже считает, что образ Елены

Стаховой – «расплата даже за временное предпочтение счастья долгу» [Недзвецкий 2011: 150].

Доротея тоже пытается соединить долг и любовь; долг прежде всего перед самой собой, т. е. придать личной жизни смысл не столько во имя самой себя, сколько во имя людей. Такую возможность она увидела в науке, научном знании, образовании и образованности еще в Лозанне, когда слушала лекции по естествознанию. Как известно, и сама Дж. Элиот слушала в Женеве лекции по естественным наукам, философии и математике и уверилась в том, что наука и образование – наиболее верный путь к совершенствованию мира и человека; о важности этой мысли свидетельствует едва ли не вся публицистика Элиот как до, так и после начала литературной карьеры (см.: об этом: [Ashton 1999]). Этим объясняется пиетическое отношение Доротеи к научным изысканиям Кейсобона; помогать ему в его научных изысканиях она считает честью и даже долгом жены-соратницы, которой она так стремится стать, усугубляя страдания Кейсобона по поводу болезненно осознаваемой им несостоятельности себя как великого ученого, а своего проекта по созданию ключа ко всем мифологиям – никчемным и схоластическим. Идея долга, по А. Минцу, одна из господствующих в литературе Англии XIX в. (см.: [Mintz 1978]).

Переключка между двумя романами очевидна и в смене повествовательных планов: диалогический – интроспективно-психологический – нравственно-обобщающий, хотя у Тургенева эта смена менее выражена, чем у Элиот, поскольку в прозе английской писательницы «работает» традиция несобственно-прямой речи, а голос автора звучит более отчетливо. Кроме того, надо помнить, что вся идейная структура романа Дж. Элиот помещена в очень жесткие рамки нравственных императивов; такая нравственно-этическая парадигматика весьма характерна для Элиот, если помнить о пуританском (евангелическом) начале, очевидном в протагонистах писательницы, которым свойственна повышенная самооценка, вернее, повышенная требовательность к себе и к своему внутреннему моральному кодексу. Это и определяет основательную значимость обобщающего голоса автора, вписывающего происходящее в общее движение жизни. Еще В. Вулф подчеркивала, как любопытно сочетается в повествовании Дж. Элиот «тонкость психологического анализа и зрелость моральных комментариев» (см. об этом: [Eliot 1966: 7]).

Голос И. С. Тургенева в «Накануне» в целом нравственно-этический и даже философско-идеологический, если исходить из пафоса романа и желания русского писателя утвердить мысль о «кануне» обновления русской жизни. Однако он

в большей степени «растворен» в речи Шубина, Берсенева, Увара Ивановича, т. е. он более имплицитен и «заточен» на воздействие на читателей не столько напрямую, сколько через систему персонажей, когда образы Шубина, Берсенева, Курнатовского, Инсарова противостоят друг другу, так сказать, в ситуации *rendez vous*, но в совокупности, в собирательности воплощают новое: назревшие изменения, инновации – идеологические, социальные, нравственные.

Между романами Тургенева и Элиот есть еще одна любопытная переключка: несмотря на центральность женских образов и у того и у другой, мужчины – «первоопределяющие носители прогрессивной мысли» [Ленерт 1975: 21]. Правда, Кейсобон оказывается носителем схоластической, лишь кажущейся ценностной идеи, но тем не менее Доротея и Елена ведомы мужчинами. Однако принципиально важно и абсолютно в контексте типологии «тургеневских девушек» то, что Елена при этом выходит из «кукольного дома» (используя термин Г. Ибсена), т. е. сугубо семейной парадигмы женской судьбы. Правда, этому в немалой степени способствует тот факт, что Дмитрий Инсаров – иностранец и что активность свою Елена будет реализовывать вне России: как известно из сюжета, даже после смерти Инсарова, верная своему долгу-любви, она не возвращается на родину и готова продолжить дело Инсарова в борьбе за независимость Болгарии. Для нее это форма проявления собственной независимости. Другое дело, что Тургенев завершает эту историю своеобразным многоточием, оставив читателей на пороге этого самого «накануне», «не пустив» их туда, в «будущее», что не может не вызвать если недоумения, то иронии, пусть даже и трагической (об этом писали некоторые русские литературные критики, Д. И. Писарев например).

Доротея же в этой «семейной парадигме» остается, причем намеренно ограничивает себя ею в конце романа. Здесь очевидна переключка с той идеей, которую заложил Л. Н. Толстой в образ Наташи Ростовской. Это нарочитое замыкание себя в семье, муже и детях выглядит странно для такой мощной по социальной энергии, задаткам, возможностям воли героини, как Доротея. Именно это вызывало и вызывает критику романа со стороны исследователей творчества Элиот (см.: [Carroll 1971: 286–359]). Однако, как и Толстой, Дж. Элиот не видит в этом статусе жены и матери особой уничижительности по той причине, что для нее это проявление той самой созидательной женственности, которая так поразила в Доротею Ладисло и Лидгейта; не аморфной кукольной женственности Розамонды Винси, а активной жизнепорождающей и жизнеутверждающей

женственности. Не случайно Э. Лэнгленд предостерегает исследователей творчества Дж. Элиот от того, чтобы они выстраивали художественный мир писательницы исключительно из моделей «этикета и домашних дискурсов», поскольку это вписало бы ее творчество в контекст того живописания, которое не выходило бы за рамки быта и которое развивалось «глупыми женщинами-романистками» (название одной из критических статей Элиот о творчестве некоторых ее современниц). «Действительно, – пишет Э. Лэнгленд, – знаковым в таком характере, как Доротея Брук из «Миддлмарча», является то, что она отчаянно хочет совершить что-нибудь за пределами домашней сферы, которая ей мало интересна» [Langland 2001: 134]. Трудно не задаться вопросом: разве Елена Стахова хочет не этого же? Ведь Елена после того, как произошло их решительное объяснение и она поняла, что любит Инсарова и что ее любовь – это долг перед великой целью Дмитрия, с жалостью стала смотреть на своих домашних: «Для чего живут? – думала она» [Тургенев: 74].

Елена рисуется Тургеневым натурой эмоциональной: «...в ней было что-то нервическое, что-то порывистое и торопливое...» [Тургенев: 24]; она наделена автором «тоской взволнованной души» [там же: 26]; «Душа ее раскрывалась, и что-то нежное, справедливое, хорошее не то вливалось в ее сердце, не то вырастало в нем» [там же: 19]; «Мои мысли мне самой не ясны» [там же: 36]. Доротея более рациональна, вернее, более нацелена на рассуждения, анализ, размышления и т. п., тем более что и автор, беря читателя в союзники («работа» с читателем – это неременная черта викторианского романа с его неизменной дидактической заданностью), обобщает состояния, настроения, мысли героини, сопрягая ее внутренний мир с читательским. Но, безусловно, рационалистичность Доротеи подана в контексте общеисторической установки автора: она умная девушка, но ослепленная идеей служения «великому делу» Кейсобона, не видит долгое время своей ошибки, не понимает, что совершает глупость; об этой стороне характера Доротеи писал Р. Коулз [Coles 1973: 69].

Одновременно необходимо помнить о «двух различающихся линзах» повествования в нарративной структуре романа [McSweeney 1984: 100]: иронической и героической, взаимосвязанных и переплетающихся. Здесь согласимся с Б. Харди и ее идеей о героической составляющей в образности Дж. Элиот в целом, не только применительно к «Миддлмарчу» [Hardy 2003б: 31]. Заметим, что чаще всего о героической стороне характера Доротеи говорит в романе не нарратор, а другие персонажи («работает» принцип «зеркал») – Четтэм, мистер Брук, Селия, Лидгейт, Ладисло,

причем последний чаще всего. Хотя совершенно в духе викторианской традиции «срединного пути» героическое в образе Доротеи уравнивается, как уже отмечалось, иронией, а также образом Мэри Гарт, персонажа, нацеленного на реальность, практику жизни, некую приземленность, но не в уничижительном смысле. В образе Елены Стаховой героическую составляющую тоже представляют читателю другие персонажи: прежде всего Шубин, Увар Иванович, Берсенев. По мнению исследователей, героическое в образе Елены реализовано уже в том, что она цельная натура; как традиционно говорится, она «из гнезда Татьяны» – имеется в виду традиция воспроизведения целостной женской натуры, блестяще начатая Пушкиным в «Евгении Онегине». В ее образе очевидна «цельность сознательного самостояния, своевольного самоутверждения», «осмысленного и добровольного самопожертвования» [Ребель 2007: 109]. Здесь, безусловно, есть типологическая связь с идеями Элиот, которые она заложила в образ Доротеи. Она очевидна также и в иронии, причем не столько авторской, сколько в иронии жизни, с которой подается героичность обеих молодых женщин. Доротея, с ее своеобычием, независимым и самостоятельным характером, пройдя драматичные испытания браком с Кейсобоном, болезненным осознанием того, что она так и не допущена до «великого дела» мужа, из-за которого она в свое время и решила связать свою жизнь с его, но более всего – оглаской его оскорбительной приписки к завещанию, усмиряется в конце романа выполнением женского предназначения быть любимой, женой и матерью. Елена же, отдав себя всю Инсарову и его делу, но парадоксальным образом свою беззаветной любовью лишив его цельности, делает его беззащитным перед судьбой и трагично приводит его к смерти не на поле сражения за независимость Болгарии, а в сырой и холодной гостинице в Венеции, да и сама пренебрегает дочерними чувствами и обязательствами, а ее активность как «нового человека», судя по концовке романа, реализуется вдали от родины.

Это не снимает с героя и с героини героического пафоса, а лишь подчеркивает, как полагают исследователи, философский зачин романа, с его утверждением, что «везде и всюду та же дарвиновская идея *battle for life*, как писал Виардо И. С. Тургенев (цит. по: [Батюго 2004: 395]), что стихия жизни всевластна, что «"страсти роковые" – одна из форм проявления тех безличных, природных сил, которые в конечном счете равнодушно и бесследно поглощают, обрекают все и вся», и «что так проявляется «онтологический трагизм человеческой жизни» [Ребель 2007: 102]. Да и судьба самой Елены остается, как уже гово-

рилось, непроясненной. Согласимся с исследователем, что в трагическом звучании романа Тургенева нет пессимизма: об этом свидетельствует не только название романа, не только восхищение сложностью, напряженностью и независимостью внутреннего мира героини, но и картина мощной любви-самопожертвования, просветляющей любви, высокой любви, любви, уводящей из болота мелочной и рутинной жизни. Не случайно все критики (и особенно Н. А. Добролюбов в статье, которую мы уже цитировали) в голос говорили о блестящем мастерстве Тургенева-лирика в изображении любовного чувства, состояния влюбленности, счастья взаимной и без остатка любви и т. д. Не менее хороши и те страницы «Миддлмарча», где Дж. Элиот воспроизводит момент зарождения любви Доротей и Уилла Ладисло, развитие этого чувства со всеми его перипетиями, причем с немалым эротическим подтекстом – в пределах самоцензуры писателей того времени.

Словом, в обоих романах мы видим новый тип женщины, новый тип женского мышления, поведения, жизненных ценностей, неоднозначно пробивающий свой путь в сложной и противоречивой жизни, вопреки жестким обстоятельствам и с жертвою собственным благополучием во имя высоких и благородных целей добра, справедливости, счастья многих, а не только избранных. И хотя сопротивление героев (в данном случае – героинь) рутинной жизни оказывается окрашенным драматико-иронически, а в случае с Еленой и Инсаровым траги-иронически, тем не менее Тургенев и Элиот рисуют образы людей, которые дороги им тем, что предчувствуют будущее и, чувствуя это «накануне», словом и делом уже пытаются существовать в нем сами и приближать его рождение для всех.

Все это дает основание говорить о том, сколь близки были не только человечески, но и творчески Джордж Элиот и И. С. Тургенев – два великих новатора в мировой литературе второй половины XIX в.

Список литературы

Батюго А. И. Некоторые философско-эстетические проблемы и их роль в построении романа Тургенева // Батюго А. И. Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 338–470.

Бердяев Н. А. Из психологии русской интеллигенции // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. СПб.: «Общественная польза», 1910. С. 60–72.

Боборыкин П. Д. Столицы мира (Тридцать лет воспоминаний). М.: Сфинкс, 1911. 516 с.

Димитров Э. Инсаров: болгарин ли он? // Вопросы литературы. 2016 (сентябрь – октябрь). № 5. С. 243–277.

Жижина Л. Н. Фольклорно-мифологическая картина мира героини романа И. С. Тургенева «Накануне» // Гуманитарные исследования. 2008. № 4. С. 110–114.

Зелинский В. Критические разборы «Дворянского гнезда» и «Накануне» И. С. Тургенева. СПб.: тип. А. Г. Кольчугина, 1895. 208 с.

Ковалевская С. В. Воспоминания о Джордж Элиот // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986. С. 311–331.

Коньшиев Е. М. Герои Тургенева в поисках веры («Накануне») // Спасский вестник. 2009. № 14. С. 18–22.

Курляндская Г. Б. Проблема трагизма в романе И. С. Тургенева «Накануне» // Спасский вестник. 2009. № 16. С. 11–18.

Ленерт Х. Ю. Проблема типологии героя в романах А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и И. С. Тургенева «Накануне»: автореф. дис ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1975.

Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л.: Наука, 1974. 350 с.

Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 208.

Недзвецкий В. А. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: курс лекций для магистрантов. М.: Изд-во МГУ, 2011. 208 с.

Проскурнин Б. М. Джордж Элиот // Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза. М.: Флинта-Наука, 1998. С. 289–342.

Пумпянский Л. В. Романы Тургенева и роман «Накануне» (Историко-литературный очерк) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 381–403.

Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского. Типологические явления русской литературы XIX века. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. 398 с.

Савинков С. В. Красота – любовь – смерть и вопрос о форме жизни в романах И. С. Тургенева («Рудин», «Накануне», «Отцы и дети») // Культура и текст. 2011. № 12. С. 96–104.

Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Изд. 2-е / сост. и подгот. текстов С. М. Петрова и Г. М. Фридлянд. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. 557 с.

Тургенев И. С. Накануне. URL: [www.http://lib-rebook.ru/nakanune](http://lib-rebook.ru/nakanune) (дата обращения: 25.01.2017).

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. X. Письма. 1872–1874. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 542 с.

Элиот Дж. Миддлмарч. Картины провинциальной жизни / пер. с англ. И. Гуровой и Е. Коротковой. М.: Правда, 1988. 752 с.

Фадеева Л. А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. 195 с.

Anderson Q. George Eliot in Middlemarch // From Dickens to Hardy / ed. by Boris Ford. L.: Penguin, 1963. P. 274–293.

Ashton R. Introduction // Eliot G. Critical Writings. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. vii–xxxii.

Cecil D. George Eliot // Cecil D. Early Victorian Novelists. Essays in Reevaluation. Fontana Library, 1964. P. 215–250.

Coles R. Irony in the Mind's Life. Essays on Novels by James, Elizabeth Bowen and George Eliot. Charlottesville: University Press of Virginia, 1973. 210 p.

Cross J. W. George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals. N. Y.: Harper and Brothers, Franklin Square, 1885. Vol. 3. 443 p.

Dolin T. George Eliot. Oxford: Oxford University Press, 2005. 284 p.

Eliot G. Middlemarch / ed. with an Introduction by W. J. Harvey. L.: Penguin, 1966. 908 p.

Eliot G. Middlemarch / ed. with an Introduction by David Carroll. Oxford: Oxford University Press, 1988. 708 p.

Eliot G. Middlemarch / With an Introduction by Margaret Drabble and Afterword and Notes by Jerome Becky. N. Y.: Bantam Books, 1985. 795 p.

George Eliot: The Century of Critical Heritage / ed. by David Carroll. L.: Routledge and Kegan Paul, 1971. 512 p.

Hardy B. (ed.) 'Middlemarch': Critical Approaches. L.: Athlone Press, 1967. 192 p.

Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. New Haven and L.: Yale University Press, 1985. 467 p.

Ideas and Beliefs of the Victorians. An Historic Reevaluation of the Victorian Age. N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc, 1966. 448 p.

Langland E. Women's Writing and the Domestic Sphere // Women and Literature in Britain 1800–1900 / ed. by Joanna Shattock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 119–141.

Levine G. Darwin and the Novelists: Patterns of Science in Victorian Fiction. Cambridge, Massachusetts and L.: Harvard University Press, 1988. X; 319 p.

McSweeney K. 'Middlemarch'. London; Boston; Sydney: George Allen & Unwin, 1984. 167 p.

'Middlemarch'. A Casebook / ed. by Patrick Swinden. L.: Macmillan, 1978. 256 p.

Mintz A. George Eliot and the Novel of Vocation. L.: Longman, 1978. 193 p.

Oxford Reader's Companion to George Eliot / ed. by John Rignall. Oxford: Oxford University Press, 2000. 500 p.

Proskurnin B. The Reception of George Eliot in Russia: The Start that Determined the Paradigm // The Reception of George Eliot in Europe / ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. L.: Bloomsbury Academic, 2016. P. 261–274.

The Cambridge Companion to George Eliot / ed. by George Levine. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 248 p.

The Victorian Novel / ed. by Francis O'Gorman. Oxford: Oxford University Press, 2002. 344 p.

Woolf V. The Common Reader. L.: Hogarth Press, 1942. 305 p.

References

Batyugo A. I. Nekotorye filosofsko-esteticheskie problemy i ikh rol' v postroenii romana Turgeneva [Some philosophical and aesthetic issues and their role in the constructing of Turgenev's novel]. Batyugo A. I. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, pp. 338–470. (In Russ.)

Berdyaev N. A. Iz psikhologii russkoy intelligentsii [On Russian intelligentsia's psychology]. Berdyaev N. A. *Dukhovnyy krizis intelligentsii. Stat'i po obshchestvennoy i religioznoy psikhologii* [Spiritual Crisis of Intelligentsia. Essays on social and religious psychology]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1910, pp. 60–72. (In Russ.)

Boborykin P. D. *Stolitsy mira (Tritsats' let vospominaniy)* [World Capitals (Thirty years of memories)]. Moscow, Sfinks Publ., 1911. 516 p. (In Russ.)

Dimitrov E. Insarov: bolgarin li on? [Insarov: Is he a Bulgarian?]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 2016, issue 5, September – October, pp. 243–277. (In Russ.)

Zhizhina L. N. Fol'klorno-mifologicheskaya kartina mira geroini romana I. S. Turgeneva «Nakanune» [Folklore and Mythological World Picture of the Heroine of Turgenev's novel 'On the Eve']. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2008, issue 4, pp. 110–114. (In Russ.)

Zelinskiy V. *Kriticheskie razbory «Dvoryanskogo gnezda» i «Nakanune» I. S. Turgeneva* [Critical Analysis of "A Nest of the Gentlefolk" and "On the Eve" by I. S. Turgenev]. St. Petersburg, Tipografia A. G. Kol'chugina Publ., 1895. 208 p. (In Russ.)

Kovalevskaya S. V. Vospominaniya o Dzhordzh Eliot [Memories on George Eliot]. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memories. Tales]. Moscow, Pravda Publ., 1986, pp. 311–331. (In Russ.)

Konyshv E. M. Geroi Turgeneva v poiskakh very («Nakanune») [Turgenev's Heroes in Search for Faith ("On the Eve")]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2009, issue 14, pp. 18–22. (In Russ.)

Kurlyandskaya G. B. Problema tragizma v romane I. S. Turgeneva «Nakanune» [The Problem of the Tragic Element in I. S. Turgenev's "On the Eve"]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2009, issue 16, pp. 11–18. (In Russ.)

Lehnert Kh. Yu. *Problema tipologii geroya v romanakh A. F. Pisemskogo «Tsyacha dush» i I. S. Turgeneva «Nakanune»*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The Issues of the Hero Typology in the Novels by A. F. Pisemskiy "One Thousand Souls" and I. S. Turgenev "On the Eve". Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1975. 18 p. (In Russ.)

Lotman L. M. *Realizm russkoy literatury 60-kh godov 19 veka* [Realism of the Russian Literature in the 60^s of the 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 350 p. (In Russ.)

Markovich V. M. *I. S. Turgenev i russkiy realisticheskiy roman 19 veka* [I. S. Turgenev and the 19th Century Russian Realistic Novel]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1982. 208 p. (In Russ.)

Nedzvetskiy V. A. *Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroya. Kurs lektsiy dlya magistrantov* [Turgenev: The Logics of Creative Work and Hero's Mentality]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Dzhordzh Eliot [George Eliot]. Proskurnin B. M., Yashen'kina R. F. *Istoriya zarubezhnoy literatury 19 veka: zapadnoevropeyskaya realisticheskaya proza* [History of Foreign Literature of the 19th Century: Western European Realistic Prose]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 1998, pp. 289–342. (In Russ.)

Pumpyanskiy L. V. Romany Turgeneva i roman «Nakanune» (Istoriko-literaturnyy ocherk) [Turgenev's Novels and the Novel "On the Eve" (Historical and Literary Essay)]. Pumpyanskiy L. V. *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical Tradition: The Collected Works on History of Russian Literature]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2000, pp. 381–403. (In Russ.)

Rebel G. M. *Geroi i zhanrovye formy romanov Turgeneva i Dostoevskogo. Tipologicheskie yavleniya russkoy literatury 19 veka* [Heroes and Genre Forms of Turgenev and Dostoevsky's novels. Typological Phenomena in the Russian Literature of the 19th Century]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2007. 398 p. (In Russ.)

Savinkov S. V. Krasota – lyubov' – smert' i vopros o forme zhizni v romanakh I. S. Turgeneva («Rudin», «Nakanune», «Ottsy i deti») [Beauty –

Love – Death and the Issue of Form of Life in Turgenev's Novels ("Rudin", "On the Eve", "Fathers and Sons"). *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2011, issue 12, pp. 96–104. (In Russ.)

Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t. [Turgenev as Remembered by His Contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 2. 557 p.

Turgenev I. S. *Nakanune* ["On the Eve"]. Available at: [www.http://librebook.ru/nakanune](http://librebook.ru/nakanune) (accessed 25.01.2017) (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [A Complete Collection of Works and Letters]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965, vol. 10. Pis'ma 1872–1874 [Letters 1872–1874]. 542 p. (In Russ.)

Eliot G. *Middlmarsh. Kartiny provintsial'noy zhizni* [Middlemarch. A Study of Provincial Life]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 752 p. (In Russ.)

Fadeeva L. A. *Ocherki istorii britanskoy intelligentsii* [Essays on the History of British Intelligentsia]. Perm, Perm State University Press, 1996. 195 p. (In Russ.)

Anderson Q. George Eliot in *Middlemarch. From Dickens to Hardy*. Ed. by Boris Ford. London, Penguin, 1963, pp. 274–293. (In Eng.)

Ashton R. Introduction. Eliot G. *Critical Writings*. Oxford, Oxford University Press, 1999, pp. 7–31. (In Eng.)

Cecil D. George Eliot. Cecil D. *Early Victorian Novelists. Essays in Revaluation*. Fontana Library, 1964, pp. 215–250. (In Eng.)

Coles R. *Irony in the Mind's Life. Essays on Novels by James, Elizabeth Bowen, and George Eliot*. Charlottesville, University Press of Virginia, 1973. 210 p. (In Eng.)

Cross J. W. *George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals*. New York, Harper and Brothers, Franklin Square, 1885, vol. 3, 443 p. (In Eng.)

Dolin T. *George Eliot*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 284 p. (In Eng.)

Eliot G. *Middlemarch*. Ed. with an introduction by W. J. Harvey. London, Penguin, 1966. 908 p. (In Eng.)

Eliot G. *Middlemarch*. Ed. with an introduction by David Carroll. Oxford, Oxford University Press, 1988. 708 p. (In Eng.)

Eliot G. *Middlemarch*. Ed. with an introduction by Margaret Drabble, ed. with afterword and notes by Jerome Becky. New York, Bantam Books, 1985. 795 p. (In Eng.)

George Eliot: The Century of Critical Heritage. Ed. by David Carroll. London, Routledge and Kegan Paul, 1971. 512 p. (In Eng.)

Middlemarch: Critical Approaches. Ed. by B. Hardy. London, Athlone Press, 1967. 192 p. (In Eng.)

Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London, Yale University Press, 1985. 467 p. (In Eng.)

Ideas and Beliefs of the Victorians. An Historic Reevaluation of the Victorian Age. New York, E. P. Dutton & Co., Inc., 1966. 448 p. (In Eng.)

Langland E. Women's Writing and the Domestic Sphere. *Women and Literature in Britain 1800–1900*. Ed. by Joanna Shattock. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 119–141. (In Eng.)

Levine G. *Darwin and the Novelists: Patterns of Science in Victorian Fiction*. Cambridge, Massachusetts and London, Harvard University Press, 1988. X; 319 p. (In Eng.)

Mc Sweeney K. 'Middlemarch'. London, Boston, Sydney, George Allen & Unwin, 1984. 167 p. (In Eng.)

"Middlemarch". *A Casebook*. Ed. by Patrick Swinden. London, Macmillan, 1978. 256 p. (In Eng.)

Mintz A. *George Eliot and the Novel of Vocation*. London, Longman, 1978. 193 p. (In Eng.)

Oxford Reader's Companion to George Eliot. Ed. by John Rignall. Oxford, Oxford University Press, 2000. 500 p. (In Eng.)

Proskurnin B. The Reception of George Eliot in Russia: The Start that Determined the Paradigm. *The Reception of George Eliot in Europe*. Ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. London, Bloomsbury Academic, 2016, pp. 261–274. (In Eng.)

The Cambridge Companion to George Eliot. Ed. by George Levine. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 248 p. (In Eng.)

The Victorian Novel. Ed. by Francis O'Gorman. Oxford, Oxford University Press, 2002. 344 p. (In Eng.)

Woolf V. *The Common Reader*. London, Hogarth Press, 1942. 305 p. (In Eng.)

"ON THE EVE OF THE PEOPLE OF ACTION": A NEW TYPE OF WOMAN IN THE WORKS OF GEORGE ELIOT AND I. S. TURGENEV

Boris M. Proskurnin

Head of the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

The essay, written on the basis of typological and comparative methods, deals with the issues of typological convergences and artistic peculiarities of the two great writers of the 19th century, George Eliot and I. S. Turgenev, when they depict a 'new hero / heroine' and 'a new social reality' of the 1860^s – 1870^s. The author of the essay speaks on the very fact of good friendship between these two masters and on social, cultural, aesthetical, etc. bases of their close personal and artistic ties, their thorough mutual interest and understanding. The author shows some serious typological simultaneity of George Eliot and Turgenev in constructing the artistic worlds of their novels when two writers construct their heroes / heroines, when they analyze social, cultural and moral changes in the lives of English and Russian societies of that time, and when they think of the role of literature under these new circumstances. A special stress is put on the type of new woman and her fate in a changing social life represented in the works of these two writers, on the struggle of conservative and progressive tendencies in Russian and English societies of the time as Turgenev and Eliot saw and understood it; their similar attitudes towards the new processes and new generations appeared due to the social changes are analyzed in the article. The basis of the typological and comparative thoughts of the essay's author are two novels – *Middlemarch* by George Eliot and *On the Eve* by Turgenev, and their two heroines – Dorothea Brook and Elena Stakhova, as the principal stress is put on the writers' peculiarities of artistic understanding of 'the women question', which sharpened at that time both in England and in Russia, much as though specifically in each country. The author of the essay analyzes interrelations of the realistic and romantic, the lyrical and dramatic (tragic) in the structures of the novels and the images of the heroines. The co-existence of the writers' irony and admiration is under deep analysis too.

Key words: realism; novel; literary hero; English literature; Russian literature; George Eliot; I. S. Turgenev; literary typology.